

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков
[1]

В интересе не только женщин, но и мужчин, в интересе человеческого прогресса в обширнейшем смысле эмансипация женщин, которою мы часто хвастаемся как совершившимся фактом, не может остановиться на том, что есть.
Д. С. Милль

Вопрос об эмансипации женщин, поднятый почти одновременно в нескольких местах, встретил самое большое сочувствие в североамериканском обществе, содействующем решению его в пользу женщин. Из статьи английского политико-эконома Джона Стюарта Милля (или, правильнее, его покойной супруги) «Об эмансипации женщин» [2] русская публика имела уже случай познакомиться с успехами партии, отстаивающей в Северной Америке полное равноправие женщин с мужчиной. Статья эта читалась с таким вниманием всеми образованными потребителями русской печати, что мы не видим никакой надобности возобновлять ее в памяти читателей.

Известно, что на митингах, происходивших в Ворстере и Массачусетсе, под именем «Конвенции о правах женщин», президентом которого была женщина, мужчины поддерживали требования женщин. Все это происходило в Соединенных Штатах Северной Америки назад тому почти двенадцать лет – именно осенью 1850 года.

В эти двенадцать лет многие граждане просвещенной Европы занимались определением: можно или нельзя признавать женщину человеком, одаренным равными правами с мужчиной. Необразованное большинство единогласно решало, что этого никак нельзя допустить. Образованное меньшинство иногда спорило об этом, но тоже большею частью соглашалось, что женщина не может пользоваться самостоятельностью в той мере, в какой это предоставляется мужчине. Тут шли разные доказательства, и физиологические, и патологические, и многие другие, сбившие с прямой точки зрения французского философа Прудона, г-жу Сталь, Рахиль, Жорж Санд и, наконец, нашего известного критика Виссариона Григорьевича Белинского, который писал, что «воспитание женщины должно гармонировать с ее назначением, и только прекрасные стороны бытия должны быть открыты ее ведению, а обо всем прочем она должна оставаться в милом простодушном незнании». Жаркие поборники этой пропаганды, видя в ней отголосок собственных стремлений к господству над полом, который, «оставаясь в милом и простодушном неведении», неминуемо останется и в зависимости от пола более сведущего, отмежевали женщинам особый мир приятных заблуждений. Опека мужчин над женщинами, развитая вследствие такого убеждения, с одной стороны, убила в самих женщинах естественное стремление к праву разумно пользоваться своею свободой (что и выразилось как в жизни частных лиц, так и во многих литературных произведениях женского пера, где писательницы торжественно отрекались от права равенства и гражданства и объявляли полное довольство местом, которое отведено им в обществе), а с другой – беспреостанное нарушение женщинами многих общественных законов путем анархическим показали всю неосновательность отречения их от иного, лучшего положения, чем то, которое отведено им в обществе и которым они довольны, по словам некоторых представительниц своего пола. Безнравственное стремление многих женщин, возведенное некоторыми французскими эмансипированными писателями известной школы и известного периода на степень идеала свободы, довершило дело. На всем материке просвещенной Европы стали утверждать, что в эмансипации женщин – гибель нравов, попрание основы семьи, разрушение всего святого и высокого: слово «эмансипированная женщина» стало синонимом развратная женщина. Никто уже не задавал себе вопроса, та ли эмансипация, которая желательна, вывела на свет безобразное поведение женщин, позорящих свое имя, или это сделало уродливое искажение этой идеи. Все в страхе кляли эмансипацию и всячески ей противодействовали. Этого перепуга не избежала и старая Англия, но его избежала Северная Америка, где хотя также возвышались голоса против равноправия женщин в известных случаях, но где в обществе всегда сохранялось законное сознание необходимости предоставить женщине возможно больший круг самостоятельности и самостоятельности.

Причина первенства американцев в таком важном социальном вопросе, как эмансипация целой физически слабейшей половины человеческого рода, лежит натурально не в одних особенностях англосаксонской расы, заявившей свою завидную способность к усвоению даров человеческой свободы. Мы видим, что в коренном

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru отечестве американцев, в самой старой Англии, вопрос о признании полного гражданского равноправия женщин встречается несравненно менее сочувствия, чем в Соединенных Штатах Америки, и что гуманные статьи Милля и некоторых других писателей, ратовавших за права женщины в семье и обществе, прошли там, не произведя того глубокого и сильного впечатления, которое они должны были произвести и которое произвели на многие отдельные личности, не имеющие чести принадлежать к англосаксонской расе.

Если к этим соображениям присоединить еще выводы статистики о числе жалоб, ежегодно приносимых английскими женщинами на жестокое обращение с ними их мужей, и не забывать упорного сопротивления Южных Штатов Северной Америки освобождению негров, где господин нередко безнаказанно попирает самые святые, семейные права невольников, то становится очевидным, что и англосаксонская, свободнейшая во всем мире раса, не свободна от упрека в некоторой склонности к жестокосердию; по крайней мере, ясно, что и она не лишена весьма чувствительного числа таких же представителей права сильного, какими славилось искони наше любезное отечество.

Так же неосновательно было бы объяснять либеральное направление американского общества в отношении женского вопроса особенным великодушием и просвещенностью нации. Мы только что имели случай напомнить, что та же самая раса, представители которой в Новом Свете готовы торжественно признать за женщиною человеческие права, вместо изобретенных тиранией мужского деспотизма женских прав, далеко не лишена достаточного числа представителей, способных угнетать жен в просвещенной столице свободной Англии и насиловать невольниц в американских плантациях. Такие явления совершенно несовместны с идеальным великодушием и просвещенностью общества, в котором они выражаются. Однако, несмотря на все это, Северная Америка все-таки первая страна, где мысль о способности женщин к полному гражданскому равноправию с мужчинами не считается сумасбродством и нелепостью.

Нельзя сомневаться, что эта вера в здравый смысл женщины не принесена первыми американскими колонистами с берегов прежнего своего отечества, старой Англии, ибо идея женского равноправия, развившаяся в Северной Америке, не господствовала на Британских островах в период наибольших выселений в Америку: стало быть, вера эта создавалась и выросла у американцев на почве Нового Света. Следуя разумному закону, исключаящему в жизни народов явления чисто случайные, беспричинные, непоследовательные и безусловные, нам кажется, всего прямее искать корень этой веры американцев в способности своих женщин в тех особенностях, при которых устраивалась и слагалась историческая жизнь новых поселенцев. Жизнь их с первого шага на американский материк поставила женщин совершенно не в те условия, в каких они находились в старом отечестве. Она призывала их ко множеству таких занятий, которые по условиям европейской жизни составляли всегдашнюю, исключительную привилегию мужчин. Такое деление труда, какое было весьма естественно в густонаселенной Великобритании, оказалось совершенно невозможным относительно малочисленной Америки. Дела было много – рук мало. Некогда было думать о делении труда по полам, закон необходимости указал на раздел его по способностям. Женщина стала делать все то, что она может сделать, а не то только, чем, по европейским понятиям, прилично заниматься ее полу. Таким образом, она, может быть сама того не замечая, скоро сделалась необходимым общественным деятелем, самостоятельно возвышающим уровень и домашнего, и общественного благосостояния. С умножением рабочих рук, с изменением других обстоятельств круг женской деятельности все раздвигался шире и шире: они являлись врачами, учеными, техниками, воспитателями, литераторами, благотворителями (не иллюзорными, каких мы видим в некоторых просвещенных странах, славящихся широкими натурами своих обитателей); и мужчинам не казалось это странностью, опасным нарушением гармонии общества, конечно, потому, что они уже прежде незаметно привыкли видеть своих женщин за теми занятиями, к которым они считали себя способными. Американцы были фактически убеждены в силе женского смысла и женских способностей, между тем как европейцы, рассматривающие своих женщин в узком кругу деятельности, в который их загнало древнее человечество и из которого не выпускают их известные условия общественной жизни, имели слишком мало случаев убедиться в способностях женщин к более широкому поприщу. Таким образом, не научная пропаганда, а самая жизнь с ее условиями научила людей в Америке разделять труд не по полам, а по способностям, и не полу, а способностям воздавать почтение. Вот откуда, по моему мнению, истекает начало признания равноправия полов в Америке. Им обязаны американские женщины своему собственному труду, заявившему обществу их человеческую способность к занятиям, поныне составляющим в Европе специальность мужчин.

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru Оттого-то американское общество не ужаснулось, когда женщины стали предъявлять свои требования на полное гражданское равноправие с мужчинами, не отмаливалось с устами своих лучших поэтов от встречи «с академиком в чепце» и не изощрялось над всевозможным профанированием идеи женской эмансипации. Между литераторами встречались иногда люди, не выражавшие большой симпатии стремлению женщин к полному равноправию, но литература не поставляла себе приятным долгом поглумиться над всякой попыткой женщины взяться за такое дело, к которому она чувствует призвание, несмотря на то, что какие-то допотопные законы отмежевали это дело к разряду мужских занятий. Отсюда понятно, как в Америке женщины дошли до серьезного понимания жизни и до самостоятельности, которые не составляют собственности большинства европейских женщин вообще и русских в особенности.

Между тем и у нас в России, и вообще во всей Европе, так же как и в Америке, женщины неумолчно протестуют против своей вечной зависимости и стремятся к эмансипации. Понятие эмансипации выражается в разных странах Европы весьма различно, смотря по национальным особенностям характера и степени умственного и нравственного развития нации в данный момент. Государственные учреждения также дают известный оттенок этим стремлениям. Обыкновенно думают, что наши русские женщины суть самые загнанные, самые бесправные женщины в Европе. При внимательном соображении прав, предоставляемых женщинам в некоторых других государствах Европы, такое убеждение представляется совершенно неосновательным. Русский гражданский закон едва ли не более всех других европейских законов признает за женщиной право собственности неотъемлемой и право голоса на выборах, не возбраняя ей и передавать свой избирательный голос другому лицу по ее усмотрению. (Ограничения, признанные нужными в этом случае, не нарушают принципа.) Во Франции и некоторых других странах женщина хотя и имеет собственность, но она не управляет ею самопроизвольно и не может ни продать, ни заложить ее (я говорю о замужней женщине). Право распоряжаться этой собственностью принадлежит мужу, который нередко распоряжается ею вовсе не в желаниях и не в интересах самой собственницы. Сфера государственной (служебной) деятельности женщины везде одинаково узка; повсюду она выражается попечительством о бедных, покровительством страждущих и, наконец, надзором и обучением девиц в женских учебных заведениях. В русской семье женщина раба, кукла или одалиска (по вкусу ее семейного падишаха) ничуть не более, чем в своем семействе женщина французская. Известное семейное положение женщины в Европе видоизменяется до бесконечности в прямой зависимости от характера лиц, преобладающих в семье, и от известного общественного положения. У нас, так же точно, как и во Франции, которою восторгаются наши дамы, есть жены, проводящие жизнь в гаремной неволе, есть и жены, служащие своим мужьям средством к достижению других целей, «до супружеского жития не относящихся». Все есть; даже есть и золотая середина, где и муж, и жена чтут друг в друге человека и не считают нужным водить один другого на помочах и содержать под вечной нравственной опекой. В общественной жизни наша русская женщина эмансипирована ничуть не менее той же французской женщины соответственного положения. Все безнравственное, созданное во французском обществе литературою известного направления и деморализованными нравами общества, нашло симпатию между многими русскими женщинами и сделалось известным у нас под именем эмансипации. Это несчастное смешение понятий эмансипации с понятием о нарушении всех нравственных законов и добровольно принятых обязанностей было и есть причиной того, что даже не самые отсталые умы многих европейских стран страшатся женской эмансипации едва ли не более, чем занесения в их благополучные страны турецкой чумы. Жалкое понятие, принимающее уродливое искажение идеи за ее настоящий образ. Но пусть утешатся невинные рабы этого панического страха: несостоятельность этой quasi-эмансипации, благодаря разуму и опыту, наконец сознается мало-помалу самими женщинами в лице тех достойных представительниц этого пола, которые с напряженным вниманием ищут мирного, не анархического исхода из своего зависимого положения от лиц другого пола. Очевидно, что французская эмансипация, наиболее известная на всем материке просвещенной Европы и в нашем любезном отечестве, не дала счастья обществу и что мыслящие женщины не в ней ищут своей самостоятельности. Обществу остается желать, чтобы было больше мыслящих женщин, и не мешать их просвещению в мере, доступной мужскому полу; а литературе, может быть, следует указать на все известные пути, какими в разных местах с наибольшим успехом достигнуто общечеловеческое право обоих полов и затем... *laissez faire, laissez passer*. [3] Так, по крайней мере, в духе слов Гурнэ поступили граждане Североамериканских Штатов, и им не приходится жалеть, что они так поступили. Ни основания семейного счастья, ни общественная нравственность там не пограны, а напротив, и общество и семья несравненно счастливее, чем во всякой другой стране, где женщины развиты несравненно ниже своих мужей и по тому самому они –

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
плохие подруги для просвещенного человека, плохие матери, а стало быть, и плохие гражданки.

Но я решительно не намерен распространяться о том, в какой мере законно требование женщинами прав более тех, которыми они пользуются в цивилизованных государствах Европы. Для людей, которые хотя сколько-нибудь углублялись в рассмотрение этого вопроса без предрассудков, на которых мы выросли и которые взлелеяны в нас отчасти не нашей литературой, подвизавшейся в возведении до идеала женского совершенства таких качеств, которые составляют существенные пороки коснеющих «в милом и простодушном неведении» «плутовок с русыми головками», – для таких людей этот вопрос решен положительно в пользу предоставления женщинам всестороннего образования. Для тех же многочисленных, паче песка морского, поборников удержания женщин в границах милого неведения, которые опираются на предания, на мнения некоторых писателей прудоновского направления или вовсе ни на что не опираются, кроме сочувствия ко всякой рутине, кажется, нечего говорить; не раз уже все было сказано и принесло ту единственную пользу, что возбудило многочисленную оппозицию против людей, поднявших свой голос за равноправие женщин. Русская литература, издревле славящаяся своею бестактностью и шаткостью убеждений, не отстала от просвещенных соотечественников наших, печатному делу не причастных; и у нее нашлись представители, которые закидывали камешки в людей, писавших о женском праве. О, наша журнальная литература с большим и – что всего важнее – с одной ей свойственным безобразным тактом! У нее все «живет», «всякого добра по лопате». Но не в том дело: мы глубоко убеждены, что в таком деле, как настоящая эмансипация женщин, всякая пропаганда, раздающаяся в среде наших почтенных соотечественников, будет гласом вопиющего в пустыне. Пока всероссийское общество, читая гуманные статьи г. Михайлова, будет махать рукой, приговаривая: «э! пусть себе потешается», пока русские женщины, стоящие не на последней ступени нашей гражданственности, восторгаясь подводным камнем, поставленным для них г. Авдеевым, будут полагать свою эмансипацию в неуважении семейных прав и станут пробавляться ничегонеделанием или легким чтением, ни на чем не останавливаясь, ни во что не вдумываясь, чтобы не утруждать свои «милые головки», – до тех пор в нашем всероссийском обществе не оскудеет вера, что женская эмансипация у нас значит: «г. Михайлов потешается». Как бы ни ратовала русская литература за права женщин в русской семье и в русском обществе, она, кажется, не убедит общество в необходимости признать за нашими женщинами даже права на общечеловеческое воспитание, без которого невозможно, немислима никакая самостоятельность, никакая самостоятельность в сообществе людей другого рода, получивших относительно высшую степень умственного развития и потому сильнейших. Самим женщинам предстоит труд положить основной камень своей эмансипации: так поступали женщины в Северной Америке, которую, в известной мере, можно брать в этом случае за образец. За это чувствительное дело нельзя браться эмпирически, как берутся у нас на матушке святой Руси за все, что на ум придет. Нужно, чтобы женщины наши поняли, в чем именно заключается женская эмансипация, чего им следует желать, что устранять от себя; нужно, чтобы они уверовали, что всякая цель достигается только при известных средствах и что одного желания, самого пламенного, одного протеста, самого красноречивого, еще слишком мало для того, чтобы достичь своей цели. Нужно создать эти средства. Женщины же наши, сетуя на свое зависимое положение, порываются к улучшению своего быта, к своей эмансипации под влиянием минутных впечатлений, без средств, без плана, без обдуманного приема, да и то больше на словах, чем на деле. Они только все протестуют...

О слабый род! О время
Полупорывов, долгих дум

И робких дел. О век! о племя
Без веры в собственный свой ум.

Мы, конечно, далеки от всякой мысли ставить в вину русским женщинам их легкомыслие и их слабохарактерность; все эти недостатки, влияющие на их правильную эмансипацию, – вина той среды, в которой они родились, выросли и живут: это вина общества, вина истории. Раба, невольница, одалиска и, наконец, светская кукла, русская женщина во все неблагоприятные периоды своего исторического развития не потеряла, однако, своего здравого смысла ни в запертом тереме сурового отца, ни под плетью деспота мужа, ни под влиянием растлевающей пропаганды французских эмансипаторов и воспитателей, приспособлявших ее не тем быть, чем она хочет казаться. Среди всех невзгод своего социального положения она сохранила задатки здравого смысла; она только не развила его, не сумела приложить его к цели своих искательств. Следы этого смысла мы видим не только в

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru тех женщинах, которых судьба сберегла от всякого нравственного угнетения, но известную его долю сохранили и «погибшие, но милые создания». Сохранение этого смысла есть в одно и то же время и великая заслуга русских женщин и речательство за их способность к усвоению себе всех здравых гражданских понятий и добродетелей, исключенных из своего кодекса женщинами, увлеченными французскими эмансипаторами-анархистами. Мы свято верим в это и просим наших читателей не смущаться отдельными явлениями, свидетельствующими о неосуществимости наших надежд; мы знаем, очень хорошо знаем, что эти печальные явления существуют; но зато существуют и другие, которые можно с честью противопоставить им из примеров самого плачевного периода нашей цивилизации. Просим не забывать, что, говоря о русской женщине вообще, мы не считаем нужным останавливаться ни на каких частностях. Говоря о способности русских женщин к всестороннему развитию, мы считаем себя не вправе произносить строгую, критическую оценку их способностей, ибо положение русской женщины в семье и в обществе всегда было положение стесненное и до сих пор положение неестественное; а из ложных положений нельзя сделать достоверных выводов. Наши женщины всегда были рабынями силы, собственного невежества или того «одуряющего любовного служения» и воскурения их слабостям, которые не могли выработать из них ничего иного, кроме слабых и слабосильных созданий, которые восторгали поэтов недавно прошедшего литературного направления и для которых в действительной жизни нет возможности существовать вне мужской опеки. Рабство, в какой бы форме оно ни выражалось, в виде ли насилия и деспотизма, или в виде «рыцарского любовного служения» и непрерывной опеки контрольного характера, – всегда плохая почва для развития гражданских добродетелей. Негр-невольник не изобличал в себе многих сторон, оказавшихся в негре-гражданине, несмотря на то, что и теперешнее его гражданство стеснено сетью разных законоположений свободной республики.

Для того чтобы во многом и очень во многом извинить наших женщин в глазах людей, стоящих за их неспособность к всестороннему гражданскому развитию, припомним короткий и весьма меткий очерк истории общественного положения русской женщины, заимствуя его из одной статьи г. Михайлова («Современник», 1860 г., книга 5, стр. 101-я): «Во времена „Домостроя“, – говорит он, – мужья пользовались красотой своих жен как средством приобретения; за подарки они на время уступали свое право на жену. И в наше время, – продолжает тот же автор, – достоинством женщины считается не общечеловеческое достоинство; фальшивый идеализм, вместо того чтобы приблизить ее к интересам человеческой жизни, отводит ей какие-то фантастические сферы. Сначала женщина была просто рабой, а тут это рабство начали украшать цветами, вручили ей по-видимому некоторое господство и этим самым способствовали ее новому порабощению. Один здравый смысл спасет женщину».

Не будь его, давно можно было бы одуреть хуже восточных одалисок от «рыцарского любовного служения и новейшей галантерейности». Мы вполне разделяем настоящее воззрение почтенного автора. Нашим женщинам нельзя было не отупеть, не окаменеть, но при всем том они не обезличились даже в

Мертвящем упоении света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,
Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопов добровольных,
Среди вседневных пошлых сцен,
Учтивых маленьких измен...

В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.

А между тем идеи французской эмансипации, развезенные из столицы мод и пустословия, не погнушавшись нашей страны «московитских варваров», прилились нам по вкусу и быстро подняли со дна русской жизни те подводные камни, на которых произошли многочисленные крушения, принятые большинством слепотствующих людей за следствия «гибельной эмансипации». Они не хотели понять, что это была вовсе не эмансипация женщины, как она понимается у американцев и отчасти у англичан, а что это была безумная разнузданность нравов, стремление к свободе рабов, как известно из всемирной истории, всегда склонных искать своего права путем нарушения прав своего ближнего. Повторяем, все эти безурядицы, все анархические тенденции наших эмансипированных женщин вытекли последовательно из столкновения

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru их естественного стремления к освобождению себя от слишком тяжелой семейной зависимости с ложным идеалом эмансипации, занесенным из Франции, и доморожденным деспотизмом, исключавшим всякую возможность усвоения себе больших прав путем соглашения обоюдных интересов. Весьма естественно, что русские женщины, нимало не знакомые с законами человеческого права, никогда не останавливались над его принципами, не вдавались в изучение общественной физиологии, не могли быть разборчивыми в выборе путей к освобождению себя от зависимости, которая становилась им невтерпёж, и бросились искать свободы, ничего не уважая, тем анархическим путем, который наделал столько горя и профанировал у нас слово «эмансипация». Повторяем: все это не могло быть иначе при известном социальном положении и служит только доказательством старого афоризма, что рабство растлевает нравы.

Вырываясь всеми позволительными и непозволительными способами из цепей мужского и семейного деспотизма, русская женщина сама часто делалась самым ярким, самым неистовым деспотом и в семье, и в обществе. Поправ права незаконные, права, стеснявшие ее свободу, она стремилась упрочить свою самостоятельность поправлением чужих прав, нередко самых святых, самых законных, – словом, тех самых прав, которые только что отстояла для самой себя. Княгиня, тиранствующая с своего этаблисмана в известном романе В. Крестовского («В ожидании лучшего»), вовсе не редкий экземпляр эмансипированных женщин нашего любезного отечества и иных многих стран просвещенной Европы: они так же часто встречаются между ловко обделавшими свои дела графинями и княгинями, как и между мелкотравчатыми помещицами, и между чопорными чиновницами, поправляющими и мужнину прическу и мужнину карьеру. Везде они есть, даже между дворничихами и целовальницами, от которых мужья пьют горькую чашу. Это – то безобразное поведение женщин, забравших в свои руки невежественное право силы, у нас часто называют также эмансипацией. Женщины, жаждущие самостоятельности, но лишённые правильного образования, стремятся к одному из видов этой эмансипации, следуя указанию своего вкуса и преобладающих наклонностей. Эту же анархию права, если так можно выразиться, известные эмансипированные женщины нередко вносят и в свою общественную деятельность. В благотворительных обществах, в воскресных школах – словом, везде, где у нас пока доступна общественная деятельность женщины, нельзя не заметить, что деспотические замашки не чужды многим представительницам этого пола, что желание возобладать над чужим мнением по праву женщины, которой мужчины должны уступать из уважения к ее полу, не оставляет новоэмансипированных. Стремление приобрести авторитет, ввести собственную доктрину, становится их *profession de foi*. [4] Такой вид эмансипации у нас, к несчастью, уже существует как факт, совершившийся по программе, целиком заимствованной у обворожительных французов.

Другой род наших женщин, протестующих против своего семейного порабощения и домогающихся эмансипации, – женщины преимущественно самые скромные, самые чистые сердцем, созданные, по Белинскому, «для любви и счастья», но не находящие в любви того полного счастья, которое ожидали они, расцветая в «милом и простодушном неведении». Обман, деспотизм, недостойное предпочтение и разное другое безобразие любимого человека возмущает их; они ищут средства примириться с жизнью и не находят его, потому что все другие интересы жизни чужды им. За пределом семьи нет ничего, что могло бы интересовать их; самые лучшие понятия чужды им; самые святые слова им непонятны; честь, слава, отечество, самопожертвование для блага общего – не больше как фразы, пригодные для чувствительного романа. А слово «долг» принимает смысл столь узкий или искаженный, что лучше бы уже и вовсе не слышать его из этих милых уст. Словом, широкий мир мысли и самостоятельного труда неведом им, рожденным для жизни, но воспитанным исключительно «для любви и счастья». Сила этого воспитания беспрестанно заставляет их искать жизни только в любви, а любовь не всегда сопутствует жизни, особенно в обществе, где господствует понятие «о приличных партиях». Кроме того, любовь может быть попорана, разрушена без вины женщины. Тогда начинается борьба чувства с долгом и с разумом, пребывающим в девственном неразвитии и потому не оказывающим сильных сопротивлений. Долго иногда длится эта мучительная борьба, много льется видимых и невидимых миру слез, пока наконец вопрос на жизнь и смерть решится. Наконец неумолимая потребность любить берет верх над рассудком, соображения путаются, расчет теряется, вера в новую любовь, в новую жизнь обхватывает все существо женщины, неотразимое влечение является во всем своем всеисилии и... происходит то, что просвещенные народы условились называть «падением женщины». Начинается новая жизнь и новые разочарования. Новая жизнь опять не то, что должно быть по понятиям женщины, приготовленной специально для любви. Ей опять кажется, что ее не так любят, как бы следовало,

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru что ее «третируют свысока», – она недовольна второю попыткою жить «для любви и счастья», а много раз любить невозможно. Начинается странная и страшная жизнь, на которую женщина выходит без определенной цели и, что всего хуже, без всякой подготовки. Тут выходов немного. Если женщина, очутившаяся в таком положении, богата, то есть обеспечена материальными средствами, и ее особенно не тревожит никакое призвание к самодеятельности, то она живет как ей вздумается, обыкновенно не хвалясь счастьем, но постоянно отыскивая его в том, в чем его никто не находит. Если женщина не обеспечена материальными средствами, но владеет знаниями, талантами и доброй волей трудиться, она станет искать труда и будет жить трудом. Что такое эта жизнь? Какова она? Может быть, это своего рода пытка, непрерывное страдание без жалобы и стона, мука с платком во рту – все очень может быть. Большая или меньшая мера невыгод такого положения находится в прямой зависимости от личного характера труженицы, известного развития окружающей ее среды и степени ценности производимого ею труда. Но, во всяком случае, это жизнь честная, и женщины, способные обратиться к ней после претерпанных невзгод, – самые счастливые и самые почтенные женщины.

Иногда, и даже весьма часто, обстоятельства слагаются совершенно иначе. Женщина, принужденная жить, что называется, своим умом, – бедна, не знакома ни с каким делом, за которое дают плату, обеспечивающую безбедное существование, может случиться (и так чаще всего бывает), что женщина не знает ничего, кроме самых дешевых рукоделий, давно везде вошедших в состав фабричного производства, а мыть белье, катать, таскать воду, топить печи и исполнять другие тому подобные работы она не в состоянии, потому что у нее нет навыка, нет силы. Что ей делать? Ее *profession de foi* – любовь, со всеми своими аксессуарами, во главе которых стояла успокоительная надежда жить «мужниной головой», все это исчезло, чувство ее попрано, надежды разбиты, и сама она брошена на произвол случая. Случай этот не заставляет себя долго ждать; на то мы Европа просвещенная, страна со всякими учреждениями. Благодаря крайней деморализации мужчин женщина у нас весьма быстро идет по гибельному пути, в конце которого стоят богадельня или безнравственная спекуляция на заблуждениях вновь подражающих искательниц эмансипации, в предоставлении себя воле случая и «добрым людям». Нечего удивляться, как втягиваются известные женщины в этот грязный род жизни, ведь во всяком деле только первый шаг особенно труден, только «первая песенка зарумянившись поется»; а споется с голоду еще одна, и еще одна; женщина судорожно сожмет свой платок во рту, исхода не видно – и новый экземпляр для альбома «погибших, но милых созданий» готов. Еще меньше можно недоумевать, почему недостойные виды известного промысла практикуются по преимуществу женщинами, – это естественное следствие крайней экономической безурядицы в отношениях этого пола к производительному труду. Некоторый вид деморализации, свойственной известным женщинам, нельзя безусловно принимать за причину, которая привела их к этому несчастному положению, а чаще всего деморализация является уже следствием этого положения. Многими замечено и много раз проверено, что из ста женщин, считающихся отверженными членами честного общества, девяносто девять, прежде чем дошли до своего положения, надеялись быть вечно любимыми, выслушивали уверения и клятвы в верности до гроба и потом были обмануты и брошены.

Нам нет нужды брать в соображение женщин, у которых цель всей жизни «сделать приличную партию» с маститым старцем, обладающим ливрейными гайдуками и заграничными каретами. Мы не будем также оспаривать никаких – ни «крайних», ни «умеренных» – взглядов на необходимость предоставления женщинам больших прав, чем те, которыми они теперь пользуются, ибо всякий автор статей того или другого направления, конечно, мыслит сообразно своей консистенции, под влиянием тех впечатлений, которые произведены на него женщинами, встреченными им в жизни, и, стало быть, в известной мере совершенно прав. Слава Богу, что большая часть русских, писавших об этом предмете, согласны в одном, по нашему мнению, самом существенном положении, что участь русской женщины в семье и обществе должна быть улучшаема, что пробуждающееся русское общество должно уважать в женщине свободного человека. Эта мысль с большею или меньшею требовательностью проведена во всех статьях г. Михайлова, упрекаемого в некоторых крайних стремлениях; она же лежит в основе многих «умеренных» статей, появившихся в последнее время в лучших русских журналах, например в мартовской книге «Русского вестника», где указана зависимость спокойствия и счастья женщины от известной степени морализации мужчин. Наконец журнал «Рассвет» поместил несколько статей о положении женщин в обществе и о зависимости большей их самостоятельности от собственного их труда. С выходом в свет русского перевода 4-го тома известного сочинения Токвиля «Демократия в Америке» русской публике, даже и не знакомой с иностранными языками, сделалось возможным самое близкое знакомство с устройством

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru североамериканской семьи, с системой воспитания и положения женщины в тамошнем обществе. Токвиль далеко не «крайний» эмансипатор женщины; его известное беспристрастие заставляет высоко ценить его наблюдения и выводы. Мы воздерживаемся от всяких выписок из его сочинения, чувствуя, что, начав их, нельзя ограничиться короткими извлечениями. Чтобы указать, какое серьезное значение признает за женщиною благородный автор американской демократии, достаточно повторить одну фразу, которою он начинает IX главу 4-го тома своего сочинения: «Никакое свободное общество, – говорит Токвиль, – не может существовать без нравов, нравы же образуются женщиною». Замечательно верное и художественное сопоставление методов воспитания женщин в Америке с французским воспитанием и различие положений, к которым те и другие делаются способны в силу этого воспитания, должны обратить на себя внимание общества, страдающего от пересадки французских нравов на родную почву. Народам, не избежавшим такой заразы, это может наглядно представить, чего следует избегать, чего не должно бояться. Показав, как уничтожились или смягчились нравы в американском обществе, Токвиль приходит к убеждению, что «стремление общества, подводящее под один уровень сына и отца, слугу и господина и вообще низшего и высшего, возвышает женщину и должно сделать ее более равной мужчине» (гл. XII). Многие европейцы, по его мнению, смешивают различные свойства полов и хотят сделать мужчину и женщину не только существами равными, но и подобными, тогда как цель американцев заключается в том, чтобы сделать из их различных способностей различное употребление. Американцы для выполнения великого общественного труда разумно разделили его между мужчиною и женщиною, освободив последнюю от тяжелых (физических) занятий и политической карьеры. В улучшении положения русской женщины во всех классах нашего общества чувствуется насущная потребность, из которой нельзя изъять и тех 20 % жителей, которые, по вычислению английского политико-эконома Милля (см. «Основания политической экономии Милля», перевод Чернышевского, том 1-й, стр. 424), «во всякой цивилизованной стране ничем не занимаются или занимаются убыточными производствами». Но улучшение это всего прямее достижимо мерами более сообразного обстоятельству разделению общего труда, в котором женщины у нас имеют самую жалкую долю и вследствие экономической безурядицы находятся в том горьком положении, в котором не могут прожить без мужской помощи и опеки, не подпадая необходимости жить чем попало к стыду своему собственному и стыду всего общества. Мы не думаем заблуждаться, считая одною из самых главных и самых существенных причин зависимою от всех случайностей положения русской женщины недостаток заработка, обеспечивающего ее труд в той мере, в которой обеспечивает себя им мужчина соответственного воспитания и общественного положения. Вообще во всей Европе, а у нас более, чем где-либо, на долю женщины выпадают производства или самые малоценные, или такие, которые во многих местах давно уже вошли в состав фабричного производства, не допускающего конкуренции ручной производительности. Только в сфере высших, умственных занятий женщина находит иногда возможность заработка, равного заработку мужчины, но женщины, способные к такому труду, являются у нас как редкие исключения, ибо такой труд требует известной подготовки. Ни писательницей, ни артисткой, ни врачом, ни акушеркой, ни воспитательницей (в настоящем смысле этого слова) нельзя сделаться, «оставаясь в милом и простодушном неведении жизни» со многими ее явлениями, тщательно утаиваемыми от наших женщин при их воспитании из ложного опасения сблизить их с темными сторонами человечества. Неведением нельзя застраховать от пороков; им, напротив, можно приготовить женщину сделаться жертвой чужой порочности – это аксиома, не требующая доказательств. Затем, всех остальных женщин, лишенных привилегии жить ничего не делая, мы застаем за такими работами, которые не только исключают всякую возможность капитализации известной доли заработка, но исключают даже возможность безнуждного существования труженицы. Во многих местах империи известны такие виды женского труда, которые вовсе не окупают расходов производства. Таковы, например, вязанье чулок на руках, плетенье дешевых кружев коклюшками и многие другие им подобные занятия, ничем не вознаграждающие труда и давно вошедшие в состав производства фабричного. Понятно, что в таком положении поневоле придет мысль не упускать случая заработка и иным путем, хотя далеко не честным, но более прибыльным и легким. Вот где, по моему мнению, кроется одна из влиятельнейших причин деморализации женских нравов в нашем народе, и напрасны будут все хлопоты и споры об эмансипации женщин, пока женщины не усвоят себе возможности самостоятельного существования приобретением способностей, нужных для производительного труда, а не для бесплодных усилий, только разрушающих, а не обеспечивающих жизнь. Мы не имеем основания думать, чтобы русское общество, действующее в административной и политической сфере, то есть русские мужчины, скоро почувствовало желание расширить круг женской деятельности; по крайней мере, мы ни в чем этого не замечаем. Даже сами представители

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru политико-экономической науки, ратующей за целесообразное разделение труда по способностям и проповедывающей человеческое равноправие, не уделяют этому вопросу некоторой части своего просвещенного внимания. Да собственно говоря, что могут и сделать мужчины в пользу женщин, если сами женщины ничего не делают в свою пользу? Все, чего можно нам желать от мужчин, это то, чтобы они оставили свой взгляд на женщину как на игрушку сладострастия и дали каждой из них свободу идти путем своего призвания и своих способностей. А потому, кажется, ничего более не остается, как самим женщинам класть основной камень улучшения своего быта, в целях освобождения себя от сторонней зависимости. Долгий и тяжкий опыт убедительно говорит, что никакая анархия не есть свобода; анархия семейная тем менее ведет женщину к свободе. Вырываясь из зависимости человека, она становится в зависимость от случая, что нисколько не лучше. Нужно идти, не увлекаясь французскими теориями. Американские женщины заложили фундамент своей эмансипации при том развитии общества, в котором вовсе не замечалось особенной мягкости нравов; но они показали этому обществу свою способность к самостоятельности и тем заставили его верить и в себя и в свои способности к разносторонней самостоятельности. Жаловаться на век, на мужские нравы, по меньшей мере, бесполезно. Жизнь общества не опередишь; у него есть свои законы, по которым оно развивается с большею или меньшею последовательностью; его нельзя заставить идти форсированным шагом. Не один год прошел с тех пор, как покойный народный поэт наш бросил в глаза этому обществу свой «железный стих», а оно и не думает забыть свои

...бичи,

Темницы, плахи, топоры.

Вечный, безустанный протест, которого никто не слушает, над которым все смеются, только жалок и смешон. Не протестовать нужно, а делать дело: усваивать себе полезные знания, заниматься тем, к чему чувствуется способность и влечение, не обращая внимания на тупые насмешки, и таким образом приобретать себе возможность во всякой данной случайности уметь просуществовать собственным честным трудом. Напрасны опасения, что мужчины станут бегать от самостоятельных женщин. За женщин тут голос природы. В просвещенной, трудящейся и мыслящей женщине легче любить и мать, и подругу. В первом приеме женщин к труду и занятиям будет первый верный шаг их к своей эмансипации. Вне способности быть самостоятельной нет никакой эмансипации. Пусть наши женщины никогда не забывают замечательных слов Белинского: «Тому нет спасения, кто в себе самом, в слабости своей натуры, носит своего врага».

Примечания

1 Увидев заглавие статьи этой, мы убеждены, большинство читателей махнет презрительно рукою и поспешит отвернуться. Действительно, и в обществе и в литературе часто раздаются голоса, вещающие так: «О каких это правах женщины хлопчут? В семье они хозяйки, в салонах царицы, в литературе, искусстве и даже науке двери им отворены и им отведено почетное место». Мы, признаемся, не видим этого и этому не верим. В Америке, в Англии, несомненно, таково положение большинства женщин, но не таково оно в России, хотя законы наши закрепили за женщиной неотъемлемое право собственности и даже голоса на выборах. Но зато нравы наши не закрепили за женщиной никаких прав, а малое образование, чтобы не сказать невежество женщин, держит их в совершенной зависимости, особенно в материальном отношении. В семье у нас женщина тогда только полная хозяйка, когда она насильно захватила в свои руки колпака или добряка мужа, в салоне она царица до тех пор, пока не разыгралась какая-нибудь ссора или спор – тогда неминуемо женщина будет оскорблена самым циничным и наглым образом, ее забросают насмешками и грязью, как бы ни чиста была она, как бы ни была почтенна ее жизнь и личность. То же самое повторяется в литературе. Незавидное место отмежевано у нас женщине-писательнице, женщине-артисту, еще менее женщине ученой. Общество осыпает их насмешками: «Писаки! писаки идут!» – говорят об авторе-женщине. «Синие чулки! профессора, педанты», – говорят о тех женщинах, которые показывают некоторое поползновение учиться. (В самом деле ученых женщин у нас не имеется.) Наше общество не спешит уважать или просто оказать небольшое предпочтение женщине-писателю, женщине-артисту. Нашему обществу не нужно таких женщин. Со стороны самой литературы стоит только возгореться полемике, или просто стоит только женщине выдать книгу или вступить в полемику – и ее забросают насмешками, грязью, а в добрый час и клеветою, благо она женщина, благо можно сделать счастливый побег из области литературы в ее частную жизнь и там пожить чем Бог послал, а если нечем, то и выдумать можно. Но это положение женщины, как оно ни мало достойно зависти, есть положение исключительное.

Русские женщины и эмансипация. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Богатая женщина может, пожалуй, до поры до времени царить в обществе, но о богатых говорить нечего – жизнь им всегда почти улыбается; надо говорить о бедных. Конечно, женщина одаренная может стать артистом и писателем, но что делать той, которая не богата, не одарена особенными блестящими способностями? А между тем сколько женщин, поставленных жизнью в необходимость зарабатывать хлеб и поддерживать семейство. У них, может быть, старый отец и мать, малолетние братья и сестры и, что всего ужаснее и безвыходнее, малолетние дети, отец которых умер или болен. При невозможности образоваться, при невозможности отыскать прибыльное занятие или ремесло таким женщинам надо только что не умирать с голоду и оставаться на улице, разбрасывая братьев, детей и старых беспомощных родителей по богадельням, приютам и грязным мастерским. Женщины в настоящее время могут только или идти в гувернантки, не по призванию, а по необходимости, и, следовательно, быть дурными гувернантками; шить и вязать, но ведь шитье и вязание никаким образом не может обеспечить их существования. Между тем мало ли ремесел, мало ли профессий, которыми бы они могли доставить себе независимое положение и вместе с тем добыть возможность успокоить больных отца и мать и воспитать детей. Не исчисляя всех таких ремесел и профессий, упомянем о некоторых. Отчего бы не быть им и за станком типографии, что очень выгодно, и корректором, и фельдшером; отчего бы не добывать честный кусок хлеба и даже больше, относительное богатство, преподавателем, сделавшись детским или женским доктором? У нас, правда, есть акушерки, но они обладают таким ничтожным запасом научных сведений, что доктора редко доверяют им в случае серьезном. Известно, что в Америке многие женщины отлично знают математику, латинский язык, физику, химию и готовят детей обоих полов в высшие школы. Во многих странах Европы, так же как и в Америке, женщины продают билеты на железных дорогах, сортируют письма, сидят за прилавками контор. Говоря об эмансипации женщин, мы хотим говорить о предоставлении им возможности образоваться всесторонне, серьезно, о возможности следовать своему призванию, хотим говорить о предоставлении им тех должностей, где бы могли они зарабатывать деньги, необходимые всякому человеку для поддержания себя и своего семейства. Конечно, под словом эмансипация мы не понимаем безобразного стремления, надев мужское платье, скакать по полям с хлыстом или кнутом в руке, пить шампанское или делать что-нибудь хуже этого, величая такие попытки на анархическую свободу именем эмансипации. Нам кажется, что сами мужчины довольно молодежничали у нас на веку своем, довольно скакали с нагайками в руках, довольно били или давили прохожих, довольно пили шампанского и вслед за тем высказывали свою удаль еще рельефнее, чтобы женщины в свою очередь могли унижить себя такого рода подвигами. Повторяем, под словом эмансипация мы разумеем право и возможность учиться, право и возможность честно зарабатывать деньги и тем содержать семейство, если оно есть, или добыть собственно себе безбедную жизнь, обеспеченную от нужды старость без помощи других, право употреблять на пользу общую данные природой способности. Мы говорим не о забвении обязанностей, удальстве и возможности во имя принципа эмансипации бросать мужа и даже детей, а об эмансипации образования и труда на пользу семьи и общества. – Примеч. ред.

2 Современник, 1860 год, кн. II.

3 Дайте возможность делать, пропустите – франц.

4 Символ веры – франц.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!